

ЗАВЕРШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается проблема периодизации революционного процесса в России. Для определения рекреационного компонента кризиса автор предлагает использовать возможности анализа массовых настроений в СССР в 1920-е гг. Изучив содержание информационных сводок региональных отделов ОГПУ, автор приходит к выводу о том, что легитимизации власти в крестьянском сознании будет способствовать формализация идеи социального поравнения в дополнение к борьбе за чистоту низового партийного и государственного аппарата.

Ключевые слова: крестьянство, революция, массовые настроения, информационные сводки ОГПУ.

Историю революции в России на сегодняшний день можно с большей степенью вероятности отнести к темам, пока еще слабо изученным в методологическом отношении. При этом сказывается и определенная табуированность вопроса в контексте квазилиберальной идеологии периода 1990-х гг., и специфика общего кризиса методологии в российском общественном сознании. Но, с другой стороны, подобная ситуация исподволь формирует направленность будущих исследований. Одним из важнейших аспектов проблемы выступают необходимость изучения периодизации революционного процесса, а также поиск определенных маркеров, позволяющих фиксировать прохождение отдельных этапов.

Современное прочтение феномена революции как системного кризиса предполагает выделение нескольких стадий его протекания: этическую, идеологическую, политическую, организационную, социальную, охлократическую, рекреационную [1, с. 60]. Считается, что рекреационный компонент кризиса наиболее трудноуловим, так как законы «самоорганизующегося хаоса» в социальной среде действуют неявно. Однако в общем ряду неустойчивых признаков завершения кризиса присутствуют концепты, поддающиеся научному измерению. Речь идет о неизбежности взаимоуничтожения и/или энергетического истощения диссипативных и пассионарных элементов, а также о частичной реставрации прежних политических стереотипов и моделей поведения. Особый статус проблеме выявления подобных признаков придает ее социально-психологическое прочтение, а, следовательно, наиболее эффективным будет мониторинг массовых настроений на предмет обнаружения следов указанных изменений.

В поисках ответа на вопрос о временных рамках последнего этапа революции следует воспользоваться данными уже состоявшейся историографической традиции.

* © Сухова О.А., 2012

Сухова Ольга Александровна (suhhov747@yandex.ru), кафедра новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Беллинского, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37.

Периодизация истории СССР 1920 – 1930-х гг. позволяет остановиться на хронологическом отрезке с довольно размытыми границами: от конца 1920-х до конца 1930-х гг.

Весьма показательны, что в качестве определенной трактовки феномена рекреационных процессов можно представить идею сталинского термидора, рожденного в среде левой оппозиции еще в 1920-е гг. и составившего основу выдвинутой Л.Д. Троцким теории «преданной революции» [2, с. 182–183]. В числе признаков перерождения режима Троцкий приводит отмену ограничений, связанных с социальным происхождением; установление неравенства в оплате труда; приостановку антицерковной пропаганды и т. п. Имеются указания на то, что убеждение в измене Сталина революции доминировало среди «старых большевиков» начиная с 1934 г. [2, с. 183].

Версию о сталинском термидоре разделяли не только марксисты. Как правило, основным аргументом в данном случае выступает интерпретация репрессий, затронувших в основном прослойку носителей революционного сознания. Как контрколлективизация сталинские репрессии представлены в работе Р. Такера. Согласно его оценке, директивы вождя с 1935 г. приобретают «прокрестьянскую окраску». Проект «Октябрьской революции на селе» провалился, и Сталин переходит на позиции, противоположные тем, которые он занимал до 1929 г. Оказывается, что «не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти». Подобные заявления выглядят совсем пугающе на фоне развернувшихся чисток среди большевиков [3, с. 296–297].

Перестроечная теория о мелкобуржуазном откате СССР в условиях формационного несоответствия [4] при ближайшем рассмотрении легко трансформируется в концепт об активизации защитной функции института общины, эскалации общинности в массовом сознании, а следовательно, архаизации последнего. «Перебесившаяся» традиция не только оказывала мощное воздействие на субъекты политического процесса, но и сама подпитывалась содержанием коллективных социальных представлений, прочно укоренившихся в крестьянской ментальности. Не случайно исследователи отмечают, что «пролетарская» революция реактуализировала лексику (включая церковнославянскую), восходящую к XV–XVII вв. [5, с. 187].

В этом же контексте обращает на себя внимание еще одна трактовка феномена репрессий. Вследствие чрезмерной концентрации эмоциональных усилий, принесенных на алтарь строительства социализма, потребовались социальная психодиагностика, политическая аккумуляция коллективного бессознательного. Сублимировались архетипы античной практики остракизма и средневековой «охоты на ведьм» [2, с. 194]. На другой чаше весов концентрировалась публичность покаяния, нередко не вынужденная, а иррациональная, родственная религиозному чувству.

Тем не менее при всей очевидности признаков термидора в конце 1930-х гг. его истоки необходимо искать намного раньше. В критериальном отношении мерилom происходивших изменений необходимо считать крестьянство. Нельзя оставлять без внимания тот факт, что революция произошла в крестьянской стране, где в основе аксиологических параметров прочно укоренились ценности традиционного общества. Поэтому строительным материалом в деле разрушения и воссоздания хрупкой ткани политического пространства будут выступать представления родового или общинного сознания.

Конечно, точную грань перехода к утверждению идеала власти и признания действующей системы управления законной правопреемницей самодержавию установить крайне затруднительно. Попробуем предположить, что указанные процессы проявятся в 1920-е гг., в эпоху системного межвременья, когда практически все социетальные функции испытывали мощнейшее противостояние традиции и новации.

Определяющими факторами развития политико-правовых представлений крестьянства в период революции выступали деструктуризация системы органов государственной власти и их функционального предназначения и актуализация норм обычного права, являвшиеся прямым следствием архаизации общественного сознания в условиях обострения социально-политического кризиса. Первой и исключительной правопреемницей государства в крестьянском понимании постепенно становилась община, и вся политическая система низводилась до уровня функционирования и взаимодействия отдельных крестьянских миров [6, с. 441–485]. Воплощение крестьянского идеала Правды тем самым напрямую соотносилось не столько с идеей «черного передела», сколько с торжеством сентенции «всеобщего поравнения». На мировоззренческом уровне это обернулось усилением массового стремления вернуться к «локальным формам жизни», основанным на натуральных отношениях, вернуться к «миру без начальства, миру, парализующему всякую попытку ослабить уравнительность» [7, с. 293].

Новейшие исследования доказывают востребованность обращения к такому виду исторических источников, как информационные сводки региональных отделов ОГПУ о содержании массовых настроений (при всех претензиях в отношении репрезентативности данного вида источников — случайная/бессистемная выборочность обследования, фиксация исключительно антисоветских смыслов и пр.).

В частности, к основным проблемам организации социального пространства в Пензенской губернии во второй половине 1920-х гг. наблюдатели с завидным постоянством относили признаки деструкции базовых принципов трудовой этики крестьянства, и, прежде всего, эгалитаризма («...не принимаются принудительные меры к взысканию сельскохозяйственного налога с бедноты, которая даже маленькую сумму не платит, надеясь освободиться совсем, а между тем занимается пьянством и варкой самогона. Зажиточная часть такие взгляды поддерживает, называя бедноту лодырями, избалованными советской властью» [8. Л. 711]); выстраивание новых социально-иерархических связей, рождение новых значений в дихотомии «свой — чужой» (анти-рабочие и антибюрократические настроения): «почему рабочие налогами не облагаются и живут припеваючи вместе с коммунистами за наш счет, в то время когда крестьянские хозяйства являются истощенными и терпят нужду» [8. Л. 203]; «зачем организовывать бедноту, когда в высших органах Власти сидят все большие цари, — Вы думаете нет Николая и у власти сидят рабочие, нет, ни одного рабочего не увидишь у Власти, там все сидят каракулевые воротнички, а нас с лаптями никуда не допускают...» [8. Л. 459]; «обыкновенно преобладает зависть к городу, недовольство рабочим, вплоть до недовольства диктатурой пролетариата, что зачастую поддерживают секретари сельсоветов, работники просвещения и т. п.» [9. Л. 199]. Наконец, следует отметить присутствие оценочных суждений относительно эффективности механизмов властно-политического регулирования («члены правления ничего не делают и лишь пьянствуют» [8. Л. 207]; «главным отрицательным фактором, влияющим на настроение крестьян, является массовое злоупотребление низового Соваппарата, в частности местных органов. В некоторых местах губернии этот вопрос обсуждается на всех сходках и собраниях...» [8. Л. 4]).

Распространение подобных настроений можно рассматривать как один из стимулов обыденного сопротивления деревни, что проявилось, в частности, в значительном снижении показателей собираемости сельхозналога. Так, по данным региональных структур ОГПУ, «несмотря на ряд указаний местам со стороны ГФО по применению принудительных мер к неплательщикам сельхозналога, желательных результатов пока нет. Поступление за последнее время особенно упало» (на 1 января 1926 г. в Пензенской губернии поступило всего 33,74 % от требуемой суммы) [8. Л. 12]. В этой же

сводке отмечаются факты открытого выражения недовольства налоговой политикой государства. В частности, председатель сельсовета с. Мамлеевки Анучинской волости Чембарского уезда Ф. Е. Сазонов «открыто высказывался против уплаты сельхозналога, так как, по его мнению, из-за недорода собирать его нельзя – незаконно». Будучи избранным в качестве ходока во ВЦИК с ходатайством о выдаче ссуды «на прокормление», Ф. Е. Сазонов встречался с М.И. Калининым. По всей видимости, добиться желаемого ему не удалось, так как на сельском сходе Сазонов заявил, что «...Калинин с посетителями обращается грубо, кричит и стучит ногами и вообще принял его недоброжелательно», чем вызвал всеобщее возмущение односельчан [8. Л. 10].

Аналогичные суждения встречаем в материалах комиссии по работе в деревне, действовавшей при губкоме ВКП (б). Так, в одном из докладов от 25 ноября 1925 г. при анализе крестьянских хозяйств по посеву и рабочему скоту представлена следующая констатация изменений: «Но за революционный период нивелировка шла только до 1921 г. включительно, с этого же года наблюдаем воскресенье старого принципа дифференциации» [10. Л. 228–231]. В докладе констатируется рост численности безлошадных хозяйств в губернии на протяжении первой половины 1920-х гг.: с 28,2 % в 1920 г. до 44,8 % в 1925 г. А при анализе арендных отношений подчеркивается, что только хозяйства с посевом свыше 13 десятин земли не сдавали землю в аренду (таковых насчитывалось не более 50), при том, что до 60 % хозяйств этих групп землю арендовали [10. Л. 231–232].

Информаторы ОГПУ с тревогой отмечали, что «наблюдающийся в некоторых районах губернии антагонизм к городу продолжает развиваться. За последнее время со стороны крестьянства замечается враждебное отношение к служащим и лицам, состоящим в профсоюзах. Выносятся постановления о лишении земельных наделов лиц, состоящих где-либо на службе, всех ушедших на подсобные заработки и даже временно работающих на железной дороге». Так, в 1926 г. целый ряд сел Саранского уезда в нарушение постановления волисполкома самовольно принял решения об отчуждении земельных наделов, мотивируя свои действия следующим образом: «Не двумя кусками пользуйся, а одним». В этом отношении перспективу развития социальных отношений крестьяне связывали с сохранением основного принципа общинного мироустройства: «...рабочие и служащие живут лучше крестьян, но между ними нет равенства. Поэтому нужно уравнивать ставки всем, тогда бы мы скорей пришли к равенству (с. Шишкеево Рузаевской волости)» [8. Л. 120].

Следует также признать, что к концу первого постреволюционного десятилетия в ряду оценочных суждений крестьянства относительно легитимизации новых управленческих структур, признания новой власти устойчиво доминировали критические высказывания, что не позволяет сделать вывод о завершении системного кризиса к концу 1920-х гг.: «Партийное влияние слабое», «партячейки авторитетом не пользуются», «что касается комсомола, то члены последнего ввиду плохих экономических условий из деревни бегут на заработки, поэтому работы никакой не ведется... (с. Подгорное, Высокое, Покровское Чембарского уезда); «Кроме пьянства нам сельсовет ничего не сделал» (в 1926 г. в с. Адикаевка Нижнеломоского уезда); в селах Александровке, Рязановке Рузаевского уезда, в с. Анучино Чембарского уезда, с. Кочелейке Нижнеломоского уезда крестьяне приняли постановления с резолюцией: «Признать желательным организацию «Крестьянского союза» по причине роста «антагонизма между городом и деревней»; в ходе перевыборной кампании комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ) в Краснослободском уезде вскрылся «целый ряд злоупотреблений – взятки, попойки, кормишки, – искусственное затягивание работ со стороны землеустроительного аппарата и медлительность разбора спорных земельных дел... отсюда всевозможные нарекания на советскую власть»; особую ост-

роту приобрела проблема обострения отношений крестьянства и милиции (в с. Слободская Лада Саранского уезда начальник волостного района милиции «продолжает пьянствовать систематически и своим поведением развратил и рядовых милиционеров: милиционер Кузовков спился до того, что сбежал из своего района и растерял все дела, 2-й милиционер Агапов в одно время так напился, что арестантском помещении сломал печку, 3-й милиционер – Селезнев живет в с. Пушкине на квартире у самогонщика Лялина, где пьет чуть ли не ежедневно. Население крайне недовольно» [8. Л. 93, 125, 127, 492, 495].

В этих условиях решение основной задачи власти – освоение пространства населения (а не просто территории) [1, с. 54] встречает серьезные препятствия, которые резко снижают эффективность рекреационной программы. Наиболее очевидным становится несоответствие формационных параметров, конфликт между объективно востребованным процессом либерализации и общинными институтами. Сохранение революционной риторики, апелляция к принципу эгалитаризма позволяла перевести этот процесс в латентную форму, но не способствовала укреплению новых политических связей.

Идея «государства диктатуры пролетариата», воплощенная в деятельности местных органов власти, априори выражала антагонистическую позицию по отношению к крестьянству. Понимание этого получило широкое распространение в социальных представлениях в российской деревне во второй половине 1920-х гг. Примирить власть и крестьянство в дальнейшем могла только формализация идеи социального поравнения в дополнение к борьбе за чистоту низового партийного и государственного аппарата.

Библиографический список

1. Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1.
2. Багдасарян В.Э. «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма: сб. статей / под ред. Н. А. Симония. М., 2007. С. 172–206.
3. Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М., 1997.
4. Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11.
5. Успенский Б.А. Краткий очерк русского литературного языка. XI–XIX вв. М., 1994.
6. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.
7. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1991.
8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-2 (Пензенский губернский исполнительный комитет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) Оп. 4. Д. 224.
9. ГАПО. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 225.
10. ГАПО. Ф. р-36 (Пензенский областной комитет КПСС) Оп. 1. Д. 1004.

**THE COMPLETION OF REVOLUTIONARY CRISIS IN RUSSIA:
POSSIBILITIES OF METHODOLOGICAL AND SOURCE STUDY ANALYSIS**

The problem of periodization of revolutionary process in Russia is considered in the article. The author suggests to use possibilities of analysis of mass moods in the USSR in 1920^{ies} years for definition of recreation component of the crisis. After analysis the contents of information reports of regional departments of OGPU, the author comes to conclusion that the formalization of idea of social equalization in addition to struggle for purity of local party and state administration will promote to the legitimization of power in peasant consciousness.

Key words: peasantry, revolution, mass moods, information reports of OGPU.

* *Suhova Olga Alexandrovna* (suhhov747@yandex.ru), the Dept. of Modern History of Russia and Local History, Penza State Teacher's Training University, Penza, 440026, Russian Federation.